

Виктор ДЬЯКОВ

А БЫЛА ЛИ ЖИЗНЬ?

повесть

Виктор Дьяков

А была ли жизнь?

«ЛитРес: Самиздат»

2009

Дьяков В. Е.

А была ли жизнь? / В. Е. Дьяков — «ЛитРес: Самиздат», 2009

Разве это жизнь!?... Кто из нас в тяжелые моменты так не думал? Тем не менее, у большинства людей жизнь складывается "полосато" - удачные периоды чередуются с несчастливыми. Но есть и такие индивидуумы, которые не то, что патологически невезучи, а несчастливы от рождения. Таковой и является главная героиня данной повести. Чем так жить, лучше вообще не рождаться.

© Дьяков В. Е., 2009

© ЛитРес: Самиздат, 2009

А БЫЛА ЛИ ЖИЗНЬ?

повесть

Июль 2008 года, пять часов утра, сельский дом, рядом «двухэтажный» сарай. Нижний «этаж» сарая – скотный двор, где соседствуют две взрослые коровы и два бычка, один однолеток, второй двухлеток, тут же рядом за загородкой живет хряк, на насесте куры с петухом, в углу утки. Верхний «этаж» – сеновал, и так называемые «антресоли», своего рода насест для людей, использующих его как туалет.

Призывно мычать начинает старая корова «Милана», через минуту к ней присоединяется молодая, ее дочь «Красавка». От дружного рева двух крупных рогатых животных проснулся, завопил и захрюкал в своей загородке хряк, закудахтали и захлопали крыльями куры, закрикало утиное племя... От совокупного шума в доме пробудилась от тяжелого сна пожилая женщина, фактически старуха, хозяйка всего этого «стада». Бесчисленное количество раз, вот так же по утрам, будила ее домашняя скотина, и она подсакивала, хватала подойник и бежала в хлев... Но сейчас что-то было не так. Приученный к ежедневному раннему подъему организм, на этот раз почему-то не хотел производить действия, которые выполнял ежедневно много лет: идти доить коров, выгонять их и бычков на выпас, собирать яйца, задавать корм хряку...

Екатерина Михайловна, пожалуй, впервые за свои шестьдесят девять лет после сна ощущала не усталость, нет... у нее совсем не было сил...

Нередко судьба сводит людей, которые вроде бы ну никак не должны встретиться, тем более связать друг с другом жизнь. Отец и мать Екатерины Михайловны являли собой тот самый пример. Ну, казалось бы, что может быть общего у рядовой и совершенно социально не активной бабы из муромского захолустья, и пробивного хохла-активиста, умудрившегося на заре советской власти и в комсомоле «засветиться», и в двадцать пять лет вступить в партию большевиков. Тем не менее, они встретились и поженились. Молодого коммуниста Михаила Ноздратенко в начале тридцатых годов «по зову партии» перебросили с его родной Украины в муромские леса-болота. В те годы для осуществления поголовной коллективизации частенько применялась такая «ротация кадров», ибо местные коммунисты не всегда с достаточной твердостью раскулачивали и загоняли в колхозы земляков-односельчан, особенно родню. Ну, а посторонние, тем более жаждущие отличиться, делали это куда легче и «качественнее». Миша Ноздратенко тоже поначалу рьяно принялся претворять в жизнь планы партии по проведению коллективизации в этой топкой глухомани. Но потом его пыл стал как-то угасать. И не то, что он кого-то пожалел, нет он с большевистской твердостью и спокойной совестью отбирал хлеб, скотину, дома, арестовывал, высылал на Север... Однако, он довольно быстро сообразил, что его стараний намеренно не замечает районное начальство, обходя как вниманием, так и поощрениями. Как следствие, несмотря на передовые показатели, за два года ударной работы он совершенно не вырос в должности, как был уполномоченным райкома, так и остался. По завершению коллективизации Михаил очень надеялся, что ему все-таки «дадут в удел» один из тех колхозов, что организовывались при его непосредственном участии, хотя бы самый паршивенький. Не получилось. Напротив, ему дали понять, что для должности председателя колхоза он и слишком молод, и будучи чужаком, не знает специфики местного сельского хозяйства. Тут до Михаила окончательно дошло, что в его услугах здесь больше не нуждаются, и будут рады, если он отбудет восвояси. Но в то время жизнь на Украине была совсем «не фонтан». После голода начала тридцатых годов там едва сводили концы с концами, да и уса́тый хозяин страны Украину не жаловал. Потому молодой коммунист Михаил Ноздратенко сделал все, чтобы задержаться на относительно благополучной для тех лет муромской земле. В первую

очередь с этой целью он и женился на местной девушке. Так Михаил окончательно «окапился», осел здесь, и в 1939 году у них с женой родилась дочь Екатерина.

Должность Михаилу, конечно, нашли. Какой же коммунист без должности? Хотя то оказалось совсем не то, на что он рассчитывал. Его поставили надзирать за местными угодьями, чтобы окрестные колхозники и железнодорожники не рубили государственных деревьев, не косили в лесу траву, не били зверя, не ловили рыбу в лесных озерах. Да, должность неважная и муторная, но она позволила Михаилу переждать на ней всю войну. Тем не менее, детей у них с женой все эти годы почему-то не было. То ли боялись заводить, когда вокруг все бабы без мужиков маялись, то ли нервное напряжение сказалось. Ведь не раз грозило Михаилу начальство, что если он не будет «рвать подметки», его уволят, снимут «бронь» и он здоровый мужик в цвете лет, как и все его ровесники загремит на фронт. И ничего не оставалось, он «рвал» эти самые подметки и благополучно досидел на своем «надзоре» до конца войны. А в 1946 году уже в более спокойной обстановке они родили второго ребенка, сына Николая...

Так в чем же странность того супружеского союза? Да в том, что уж больно они с женой разные были люди. Он обычный, можно сказать, рядовой карьерист, из тех, у которых есть одна общая отличительная черта – они на пути к своей цели готовы на все. А вот жена Михаила Антонина, она уродилась совсем другой. В основе ее мировоззрения лежал принцип: а что скажут люди? И постепенно пламенный проводник линии партии на селе стал к своей жене прислушиваться, советоваться, когда задерживал самовольных косарей или порубщиков: стоит ли документы оформлять в соответствующие инстанции и таким образом выписывать нарушителям путевку на зону. Но и здесь главную роль играло вовсе не то, что Михаила совесть мучила, просто он, наконец, окончательно понял – настоящей карьеры ему уже не сделать, так и будут его до пенсии использовать на самых нижних, неблагодарных фискальных должностях. Потому, уже в середине пятидесятых, используя наступившее послесталинское послабление, он уходит со своей надзорной работы и из Владимирской области перебирается поближе к столице, в Московскую, поселяется с семьей в полупролетарском, полукрестьянском поселке, где определяется на скромную профсоюзную должность. Михаил преследовал две цели, осесть подальше от тех кого он когда-то раскулачивал, ловил, разоблачал и в спокойной обстановке жить работать, поднять детей. Так делали многие бывшие активисты, оставшиеся «внизу» – они никогда не оставались встречать старость там, где их «подвиги» молодости хорошо помнили. Имелся, правда, у Михаила еще один вариант – уехать на родину. Так бы, наверное, и надо было поступать, но не догадался Михаил Назарович, что после Сталина, Украину не любившего, придет не Маленков, не Молотов с Кагановичем, а Хрущев. Ну, а Хрущев свою малую родину очень кохал и всегда ей втихаря «отрезал» лишку от общесоюзного «пирога». Тем более нельзя было представить, что за Хрущевым придет Брежнев, тоже родом оттуда, и Украина за довольно продолжительное время правления этих генсеков буквально расцветет. Тогда в середине пятидесятых такого поворота предвидеть было невозможно, и Михаил Назарович остался, в нечерноземной центральной России, которая при Советах вроде не голодала, но по-хорошему и сытой никогда не была.

2

Катя унаследовала от матери сумасшедшее трудолюбие, от отца наплевательски-потребительское отношение к посторонним людям. Благодаря усидчивости она хоть и без блеска, но окончила восемь классов средней школы, поступила в финансовый техникум. Ее младший брат от матери не унаследовал ничего, ни трудолюбия, ни доброжелательности, он в основном пошел в отца, правда не имел его карьеристских наклонностей, рос себялюбивым, все и вся вокруг, что называется, «в упор не видел».

Михаила Назаровича по старой памяти время от времени «дергали», включали в общественные комиссии то по проведению различного рода ревизий, то на реквизицию незаконно накошенного сена или отъема сетей, которыми браконьерили отдельные жители поселка. Он не отказывался, но «подметки» уже не рвал. Да и жена постоянно напоминала: эти реквизиторы приехали и уедут, а нам тут с этими людьми жить. Так и шла, катилась под уклон сама собой жизнь неудавшегося карьериста в небольшом домике, на шестнадцати сотках не очень плодородной земли, где располагались, огород, сарай для скотины и сена. Конечно, горевал Михаил Назарович, что не сумел «подняться» в начальники, не могли радовать и письма с родины. Он не раз и в шестидесятые и в семидесятые ездил туда, гостил у родственников и воочию убедился, как по сравнению с Россией хорошо, сытно зажила Украина. Но возвращаться туда было уже поздно. Так что доживать пришлось в пасмурном и скудном Нечерноземье.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.